

застройки жилых районов (посадов), то есть тех частей города, которые отражали его экономическую жизнь, вопросы, имеющие первостепенное значение для истории русского города и градостроительства, до сего времени почти совершенно не были освещены. Изучение их и является основным содержанием настоящей работы, в которой укрепленные городские центры рассмотрены лишь в той мере, в какой они определяли общую планировку города. По этой же причине в работе не рассмотрены такие города, как Изборск, Ивангород, Якутск и др., оборонительные сооружения которых представляют большой интерес для истории русской военной архитектуры, но жилые районы которых не типичны по своей планировке.

В настоящее время исследования древних посадов привлекают внимание советских археологов. Однако эти исследования сопряжены с раскопками на застроенной территории, что значительно ограничивает возможности изучения городских планов в целом.

Единственными материалами, которые могут пролить некоторый свет на общий характер планировки русского города, по крайней мере для XVI—XVII вв., являются те планы, которые были составлены до периода массовой перепланировки городов во второй половине XVIII в. Сравнение некоторых из этих планов с крайне редкими, правда, чертежами XVII в., а также сопоставление их с различными текстовыми материалами XVI и XVII вв. (писцовые и строевые книги и т. п.) показывает, что общий облик наших городов сохранялся с незначительными лишь изменениями длительное время до тех пор, пока, начиная с 60-х годов XVIII в., не началась коренная их перепланировка.

Это обстоятельство дает нам основание полагать, что планы русских городов, снятые с натуры до их реконструкции, содержат наслонения за весь период их исторического развития, в который следует включить и несколько десятилетий XVIII в.

* * *

В конце XIX — начале XX вв. среди зарубежных архитекторов прокатилась волна подражания средневековым приемам планировки. В жертву ложно понятой «живописности» приносились современные требования транспорта, гигиены, удобства, организации городского ансамбля. Этот отрицательный опыт должен предостеречь нас от подмены подлинного освоения национального наследия формалистическим и беспочвенным стилизаторством. Только руководствуясь методом социалистического ре-

ализма, мы сможем правильно использовать прогрессивные традиции древнерусского градостроительства в дополнение к успешно осваиваемому сейчас русскому классическому наследию второй половины XVIII и начала XIX вв.

Нет никаких оснований ограничивать изучение культурных ценностей нашего прошлого каким-либо одним периодом, ибо, как сказал В. И. Ленин: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»⁴.

— Автор счел поэтому своевременным приступить к изучению русского градостроительного наследия за период до XVIII в. и заполнить по мере своих сил пробел, имеющийся в этой области.

Большое количество письменных памятников, равно как и графических материалов, еще недостаточно изученных в качестве исторических источников, подлежат привлечению в дальнейшем для этой цели. Кроме того, особое внимание следует обратить на выявление и изучение фрагментов древней планировки, которые в ряде городов и сел сохранились в натуре, несмотря на новую застройку. В частности, большой интерес представляют те населенные пункты, которых не коснулись мероприятия по планировке второй половины XVIII и начала XIX вв. В них, по всей вероятности, как планировка, так и общее расположение застройки сохранили в значительной мере черты XVII в.

Если по архивным планам сравнительно легко определить общий характер планировки, которую имели наши города до их переустройства, то для восстановления их архитектурно-художественного облика необходимы иные методы. На основе использования упомянутых планов, изучения фрагментов застройки в натуре, зарисовок путешественников XVI и XVII веков, иконописных изображений, миниатюр и тому подобных материалов возможно составление рисунков, дающих представление об общем виде улиц, площадей и других элементов посада и тем самым определяющих конкретную архитектурно-художественную характеристику основной части города.

Несмотря на большое значение такого исследования для истории русского градостроительства, автор не имел возможности включить его в настоящую работу. Надо полагать, что интерес наших историков, археологов и архитекторов к национальному градостроительному наследию обеспечит осуществление подобного исследования в дальнейшем.

Существенной частью настоящей работы являются многочисленные репродукции с планов русских городов, снятых с натуры до перепланировки последних во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. Почти все эти планы исполнены в красках, многие из них имеют весьма значительные размеры, а некоторые находятся в ветхом состоянии. По всем этим причинам документальное их воспроизведение в книге представляло бы серьезные затруднения. В то же время для практического пользования указанными планами необходима максимальная четкость изображения, так как особый интерес представляют их многочисленные детали. Поэтому пришлось пойти на графическую переработку большинства помещенных в работе планов с сохранением по возможности общего характера их оформления. Так, участки, показанные точечным фоном, отвечают (за некоторыми исключениями) территории садов и огородов, иллюминированной в подлинниках зеленой краской; светлые полосы по контурам кварталов — габаритам за-

стройки, иллюминированным желтой краской с вкраплениями иногда розовых участков каменных строений. Из подробных экспликаций к планам оставлены лишь те их элементы, которые необходимы в связи с соответствующим текстом. Некоторые из планов, представляющие особый интерес по своему исполнению, воспроизведены документально.

Работа по графическому оформлению планов выполнена архитектором Л. Д. Акоповой при участии архитектора Е. С. Ральбе. Подготовка планов по материалам, находящимся в московских архивах, выполнена архитектором Е. И. Заславской.

Автор считает необходимым отметить ценную помощь, оказанную ему кандидатом исторических наук Г. Е. Кочиним, а также выразить благодарность лицам, ознакомившимся с отдельными частями рукописи и давшим свои критические замечания в процессе работы над ней: профессору А. И. Андрееву, профессору М. К. Каргеру, профессору Д. С. Лихачеву, доценту В. Н. Бернадскому и П. В. Сытину.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОСЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. ПОСЕЛЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Древнейшие поселения на территории нашей страны, планировка которых исследователями-археологами устанавливается с достаточной ясностью, относятся ко времени трипольской культуры (III—II тысячелетия до н. э.). Эти поселения были созданы земледельческими племенами в бассейне рек Днепра, Южного Буга и Днестра — на значительной территории, которая начиналась на севере от верховьев р. Припяти и доходила на юге до берегов Черного моря.

Трипольские поселения располагались обычно на высокой части черноземного плато, поблизости к выходам грунтовых вод, вдоль небольших рек. Выбор места поселений в большинстве случаев не был связан с соображениями фортификационного характера. Раскопки не обнаружили укреплений и в пределах самих селений. Оборона их, однако, обеспечивалась до некоторой степени общей системой расположения строений. Отдельные большесемейные дома, расположенные по кругу, охватывали большое свободное пространство, где мог содержаться скот в сравнительной безопасности от нападения хищных зверей и случайных врагов. Защита легко могла быть усилена ограждениями в виде плетня в промежутках между внешними домами.

Для множества трипольских поселений, исследованных археологами, характерна круговая (или овальная) конфигурация, относительная правильность которой и постоянство в различных топографических условиях исключают предположение случайности ее происхождения.

«При первобытно-общинном строе, — указывает И. В. Сталин — основой производ-

ственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»¹.

Судя по материалам археологических исследований, наличие свободной внутриселитебной площади, окаймленной жилищами со входами изнутри круга, отвечало хозяйственным потребностям трипольского поселения. Родовая собственность на основные орудия производства, общее владение скотом и продуктами производства, коллективная хозяйственная деятельность — все это требовало некоторой общей, центральной расположенной территории. Та же площадь, вероятно, использовалась для различных сборищ, празднеств, обрядов и плясок.

Можно полагать поэтому, что планировка трипольских поселений носила преднамеренный характер, отражавший патриархально-родовые отношения в обществе эпохи энеолита с его мотыжно-земледельческим хозяйством.

Наиболее изученным и характерным примером трипольских поселений является поселение Коломийщина 1, обнаруженное на правом берегу Днепра, примерно в 60 км от Киева (рис. 1) ².

Археологами в результате тщательно проведенных раскопок к концу 1938 г. на месте этого поселения, датируемого II тысячелетием до н. э., были выявлены площадки 39 жилищ, расположенных по двум concentрическим кругам. По внутреннему кругу (диаметром 50—60 м) обнаружено 8 жилищ, по внешнему (диаметром 170 м) — 30 жилищ. Одно жилище расположено несколько изолированно с северной стороны, что дает основание предполагать существование еще третьего круга построек. Площадки многосемейных жилищ представляют собой вытянутые прямоугольники, длинные оси которых направлены к центру внутренней площади. Таким образом, можно говорить о наличии в плане не только кольцевых, но и радиальных элементов.

Разрастание родовых коллективов и выделение парных семей приводило к развитию поселения путем создания внутреннего кольца малых жилищ, которые по типу следует считать позднейшими.

Жилища поселения могут быть разделены на малые, средние и большие. Большинство

жилищ относится к среднему типу и занимает площадь от 50 до 92 кв. м. В жилищах средних размеров, так же как и в больших, обнаружены поперечные перегородки, разделяющие помещения на входную часть, обращенную к центру поселения, и хозяйственную — с двумя-тремя печами, часто также разделенную на несколько ячеек. В каждом из многоочажных домов могло разместиться не менее 20—30 человек, имевших общее хозяйство. Количество населения родового поселка могло превышать, таким образом, 500 человек. При площади поселка около 2,5 га примерная плотность его населения должна была составлять 200 человек на 1 га.

2. ГОРОДИЩА СКИФСКОЙ ПОРЫ

Выделение пастушеских племен, происшедшее в конце II и в начале I тысячелетия до н. э., означало первое крупное разделение общественного труда. Оно привело постепенно к враждебным отношениям между воинственными кочевниками и стоявшими на более высокой ступени культуры оседлыми земледельческими племенами. Постоянные грабительские нападения кочевников, увод пленных и скота заставили земледельцев создать к северу от Причерноморских степей, занятых кочевниками,

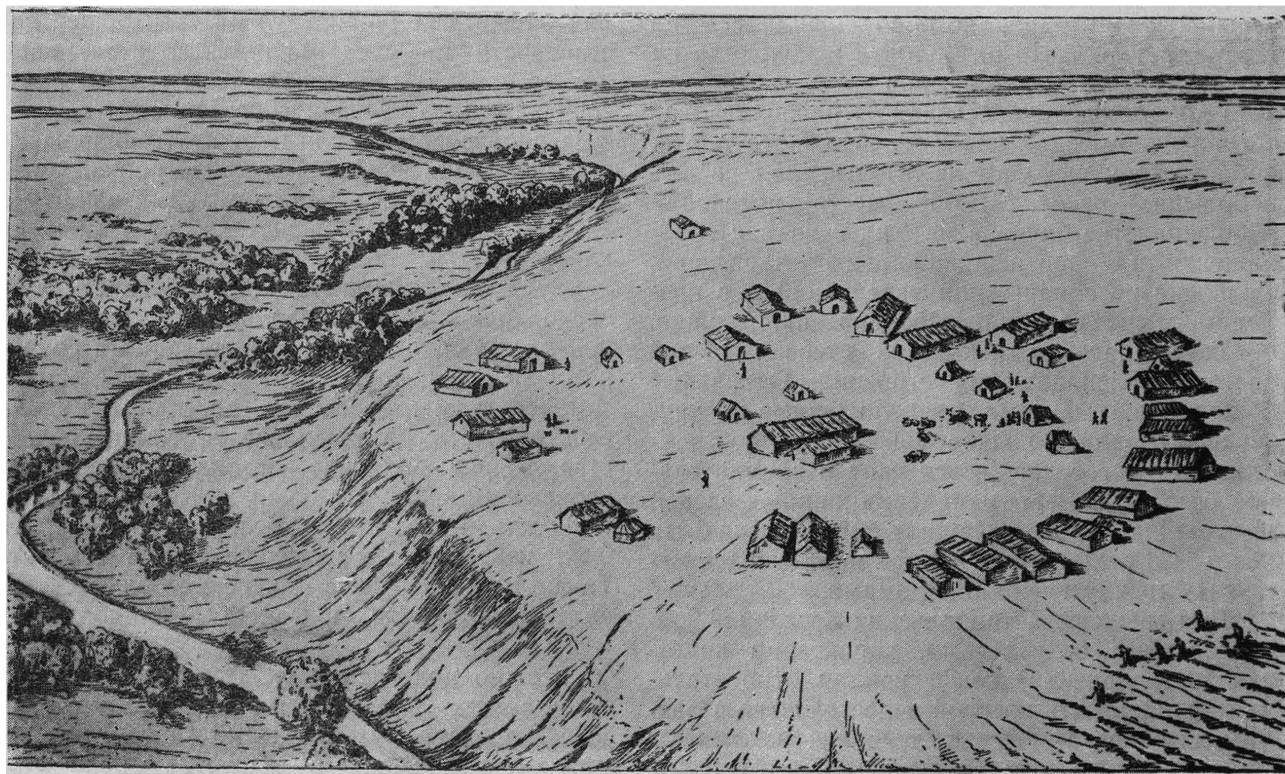

Рис. 1. Коломийщина 1. Реконструкция поселка

линию обороны, несколько напоминающую те засечные черты, которые позднее создавало Русское государство для борьбы с татарами на своих юго-восточных окраинах.

В защите от набегов кочевников нуждались не только населенные пункты, но и пастбища, огороды, посевы. В связи с этим земледельцы окружают рвами и валами целые районы, площадью до нескольких десятков тысяч га, в которых укрепленные селения — городища играют роль отдельных фортов. Теперь при выборе мест для поселений в целях их защиты обращается особое внимание на возможность использования топографических условий. В этом отношении характерно тяготение скифских городищ к лесным массивам, которые служили значительным препятствием проникновению кочевников.

Типичным примером городищ этого времени (скифской поры) является Бельское городище (рис. 2), расположенное на правом берегу р. Ворсклы, примерно, в 150 км от впадения ее в Днепр³.

Территория городища имеет клиновидную форму, вытянутую с севера на юг и ограниченную с востока берегом р. Ворсклы, а с запада — речкой Сухая Грунь. Наибольшая длина клина — 10,5 км, наибольшая ширина — 5,5 км. С севера и с юга городище не имеет естественных рубежей, но заметно, что при установлении его искусственных границ строители стремились использовать с этих двух сторон сеть оврагов. Это было важно как для включения в территорию укрепленного комплекса максимального количества водных ресурсов, так и для того, чтобы по возможности избежать пересечения укрепленной линии какими-либо понижениями рельефа, выходящими за пределы комплекса. Обращает на себя внимание подчиненность конфигурации укреплений (валы и рвы) береговым линиям. Население располагалось, повидимому, в небольших городищах, включенных в линию общей обороны подобно тому, как позднее феодальные замки включались в городские стены или как дворцовый комплекс Хорсабада расположился на стене прилегавшего к нему города⁴. Окруженные со всех сторон рвами и валами, эти малые городища играли роль особо укрепленных точек в линии обороны. С внешней стороны конфигурация малых городищ-фортов всецело определялась береговым рельефом, а с внутренней — принимала характер более или менее правильной, плавной дуги.

Помимо указанных укреплений Бельское городище было усилено внутренним валом по

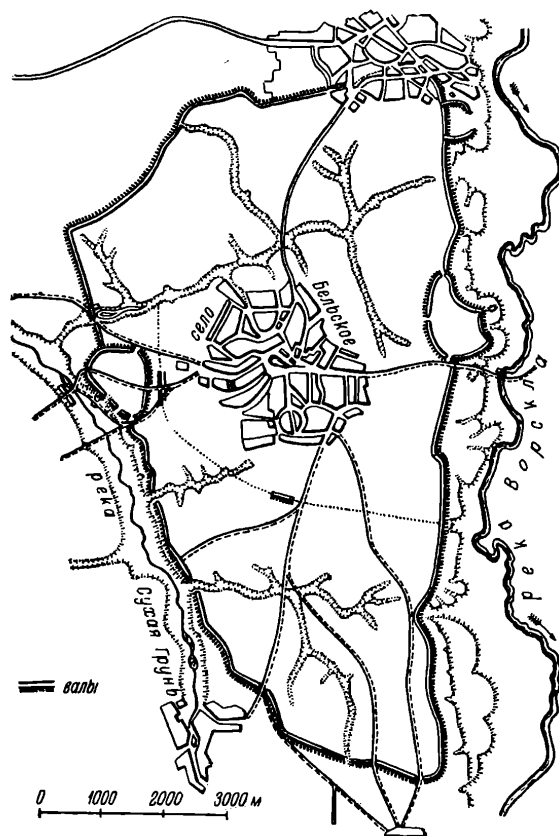

Рис. 2. План Бельского городища

высотам, расположенным к югу от существующего села Бельского.

Примером круглого городища скифской поры служит городище Жарище, открытое в Кировоградской области. Оно имеет вид круга и расположено на обращенных друг к другу скатах двух холмов, разделенных долиной реки. Городище занимает площадь около 3,5 га и окружено глубоким рвом и насыпным валом, доходящим местами до 20 м в высоту и до 12—14 м в ширину у основания. С четырех сторон устроены въезды — повидимому, остатки бывших ворот.

Аналогичную форму имеет и городище Матронинское в том же районе. Оно занимает огромную территорию (около 20 га) и расположено на возвышенности, окруженной комплексом холмов, долин и глубоких оврагов⁵.

Создание мощной укрепленной линии, состоящей из городищ и длинных валов, линии, тянувшейся на сотни километров, несомненно свидетельствует о наличии крупных племенных союзов, так как отдельные племена не в состоянии были бы осуществлять подобные

² Тверской Л. М.

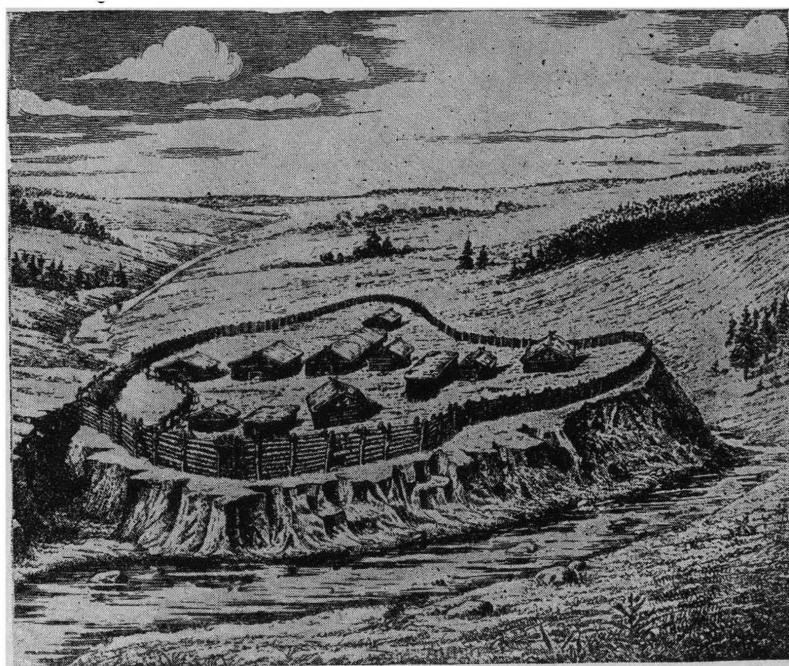

Рис. 3. Городище Березняки (по П. Н. Третьякову)

сооружения. Развитая линия обороны и большие размеры городищ дают основание предполагать значительную их населенность.

Многие скифские городища, как показывают материалы раскопок, были обитаемы и позднее, вплоть до периода расцвета Киевского государства.

3. ГОРОДИЩА ПАТРИАРХАЛЬНО-СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ В СЕВЕРНОЙ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ

В то время как в Среднем Приднепровье уже в середине I тысячелетия н. э. начинается разложение первобытно-общинных отношений и возникают поселения территориально-общинного типа, в северной лесной полосе Восточной Европы до IX в. еще сохраняются пережитки первобытно-общинного строя с характерными для него укрепленными родовыми селениями. Эти селения сравнительно хорошо изучены на территории Верхнего Поволжья, которая стала позднее одним из важнейших районов формирования русских городов.

На последних ступенях существования материнского рода население здесь занималось преимущественно рыболовством и охотой, в связи с чем и размещалось в маленьких открытых поселках на низменных местах по берегам озер и небольших рек. Позднее, в эпоху становления патриархальной родовой общины,

население Верхнего Поволжья переходит преимущественно к земледелию и скотоводству. Борьба и войны между племенами за пастбищные и земельные угодья усиливали ясно обозначившийся процесс неравномерного распределения благ, выделяя на первое место, наряду с родовыми старейшинами, племенных вождей, военачальников. Различие в материальной обеспеченности касается и родовых общин, а в дальнейшем и семейных общин, оно служит причиной конкуренции и борьбы между ними.

Нападения и набеги приводят к необходимости защиты и, как следствие, к возникновению укрепленных поселений. Появление их в Верхнем Поволжье, судя по некоторым находкам, может быть отнесено к первым столетиям I тысячелетия до н. э.

Городища Верхнего Поволжья принадлежат к так называемой дьяковской культуре, получившей наименование от первого исследованного памятника этой культуры — городища у села Дьякова под Москвой.

Решающее влияние на характер дьяковских городищ оказало господство подсежного (или огневого) земледелия, отмечаемое в Верхнем Поволжье еще в IX—X вв.⁶ Чрезвычайная трудоемкость подсежного земледелия требовала, с одной стороны, объединения людей в хозяйственные коллективы и способствовала, таким образом, сохранению патриархальной

общины. С другой стороны, техника подсечного земледелия требовала частой смены обрабатываемых участков, ибо один и тот же участок после 3—4 лет эксплуатации мог быть использован вновь лишь лет через 50⁷. Поэтому в распоряжении каждой общины должна была находиться огромная территория и, кроме того, населению часто приходилось менять места своего обитания. Эти обстоятельства приводили к уменьшению размеров поселений, а также к необходимости сочетать надежность защиты с минимальной затратой сил как на устройство укреплений, так и на оборону во время нападения. Отсюда стремление максимально использовать топографические элементы, чтобы усилить неприступность селения.

Как правило, городища дьяковской культуры располагались на высоких участках коренного берега, защищенных с одной стороны крутым склоном к реке, а с другой или с двух других сторон — крутыми склонами оврагов или притоков реки. Со стороны открытого поля мыс укреплялся рвами и валами, усиленными иногда деревянными сооружениями. Впрочем, в тех случаях, когда склоны, ограничивающие селения, не обладали достаточной крутизной, валы и рвы устраивались и с других сторон.

Таким образом, формы поселений обуславливались геоморфологией местности, и классификация этих форм, в сущности, сводится к классификации форм прибрежного рельефа. Наибольшее распространение, естественно, получила приблизительно треугольная форма поселения. Она соответствовала наиболее часто встречающейся в прибрежном ландшафте форме мыса, образованного рекой и ее притоком. Примером может служить городище IV—V вв. н. э., открытое у деревни Березняки, близ г. Щербакова (рис. 3)⁸. Оно расположено на мысу между извилиной реки Сонохты и оврагом. Наибольшая длина его — 80 м, наибольшая ширина — 60 м. Несмотря на естественную защиту, созданную крутыми склонами реки и оврага, поселение было укреплено деревянной стеной, в точности повторявшей контуры мыса.

В местностях, не обладавших выгодным естественным рельефом, поселению иногда преднамеренно придавалась круглая или овальная форма, наиболее удобная для обороны в условиях первобытной военной техники. Такую преднамеренную форму, созданную исключительно искусственными сооружениями, можно видеть на плане городища, открытого у д. Пуйги Вышневолоцкого района (рис. 4)⁹. Расположенное на относительно низ-

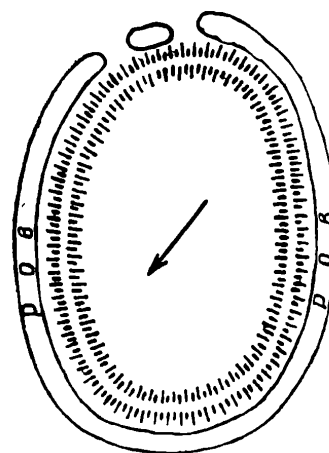

Рис. 4. План городища у д. Пуйги

ком месте, на берегу болота, городище это обрамлено по довольно правильному овалу рвом и валом, в одном конце которого устроено рядом два узких входа. Размер городища около 1 500 кв. м.

Расположение жилищ в городищах дьяковской культуры характерно для большесемейной общины. Так, в городище у села Городца в центре оказалось одно строение, вероятно общественного назначения, вокруг которого было расположено 6 жилищ по краям площадки так, что городище замыкалось ими со всех сторон. Свободная площадь в середине поселка, видимо, предназначалась для загона скота¹⁰. Примерно так же были расположены строения городища Березняки (рис. 3).

Размещение городищ Верхнего Поволжья характерно для поселений родового строя. «Население в высшей степени редко; оно гуще только в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом прежде всего область охоты, затем нейтральный лес, отделяющий его от других племен»¹¹. Так, в Рязанском районе течения р. Оки городища располагаются небольшими группами в 2—3 селения. Расстояние между отдельными городищами в группе не превышает 1—3 км, а между группами — 10—15 км¹².

4. ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Медленно нараставший процесс разложения первобытно-общинного способа производства приобретает с V в. н. э. более интенсивный характер.

Развитие производительных сил дает возможность вести самостоятельное хозяйство не только родовым коллективам, но и отдельным малым семьям. Первобытный коллективизм становится излишним и даже сковывает хозяйственную инициативу. Понятно поэтому стремление отдельных семей обосноваться вне своего старого общинного гнезда, чтобы использовать возможности новой земледельческой техники для индивидуального хозяйства. В процессе расселения отдельные семьи из разных общинных центров встречаются на новых местах и объединяются в новые общины, спаянные уже не кровнородственными связями, а чисто территориальными и производственными интересами. В этих новых территориальных (соседских) общинах пахотные участки и огороды находились в индивидуальном пользовании отдельных семейств — хозяйств, а сенокосы, леса, водные и прочие угодья оставались во владении общины. Таким образом, в результате распада родовых коллективов создаются общины соседские, территориальные (поземельные, сельские).

Этот процесс сказывается и на планировке новых селений. Их размеры уже не связаны с величиной отдельной семейной общины и определяются теперь, главным образом, наличием в ближайшем окружении удобных пахотных земель.

Затем за укрепленными пределами прежних родовых общин вырастали открытые поселения — прообраз будущих «околоградий» или «предградий», а также отдельно расположенные открытые селения, остатки которых носят название селищ. Развитие пашенного земледелия, использование лошади в качестве рабочего скота, усовершенствование орудий производства — все это вызывало обрастание жилищ всякого рода подсобными строениями.

Размещение таких усадеб в тесных пределах городищ становилось крайне неудобным, что приводило в конце концов к предпочтению открытых поселений. Небольшие же укрепленные гнезда превращались постепенно лишь во временные убежища. В них население окрестных селищ укрывалось со своим скотом и прочим имуществом во время вражеских нападений, подобно тому как позднее население посадов и деревень укрывалось в «городах» (детинцах, кремлях).

Сочетание неукрепленных и укрепленных селений приобретает позднее иной характер.

Рядом с открытыми деревнями встречаются укрепленные усадьбы богатых и политических сильных землевладельцев, властвующих над массой крестьянского населения. Укреплен-

ность этих жилищ свидетельствует о враждебности окружающего крестьянского населения к их владельцам. Такое сочетание неукрепленных поселений и укрепленных жилищ знати археологи относят уже к периоду, начинающемуся с VII в. нашей эры.

Возможно, впрочем, что в ряде случаев в качестве укрепленных усадеб были использованы остатки прежних городищ, устроенных еще в период родового строя. Во всяком случае, как полагает Б. Д. Греков, результаты работ советских археологов и показания письменных источников, рассмотренные в свете сталинского учения о базисе и надстройке, позволяют трактовать VI—VIII вв. в истории восточного славянства как переходный период от родового строя к феодальному обществу.

Период, в течение которого в восточно-славянском обществе в условиях разложения общинно-патриархального строя происходило становление феодальных отношений, Б. Д. Греков считает возможным назвать «полупатриархальным-полуфеодальным». В течение этого же периода шел и процесс складывания у восточных славян первых политических объединений, завершившийся в IX в. образованием огромного древнерусского раннефеодального государства¹³.

Двойственный характер рассматриваемого периода, несомненно, должен был отразиться и в планировке селений, однако для отделения элементов плана, относящихся еще к пережиткам родового быта, от тех, которые свидетельствуют о становлении феодальных отношений, у нас пока слишком мало археологических данных. Кроме того, во многих случаях новые отношения развивались в поселениях более древнего происхождения. Поэтому дифференцированное рассмотрение раннеславянских городищ должно явиться предметом специальной работы.

Раннеславянские городища по принципу их планировочной организации могут быть разбиты на три категории.

В первую из них входят те селения, укрепленность которых определялась топографическими условиями. По планам этих городищ мы можем судить, главным образом, о тех приемах использования рельефа местности, к которым прибегали строители в целях максимального сокращения фортификационных работ.

Большой интерес для истории градостроительства представляет вторая категория городищ, в которой уже заметны элементы преднамеренного расположения укреплений. К этой

категории относятся, в частности, некоторые из древнейших поселений Воронежского края, исследованные советскими археологами в 1920—1929 гг. «По внешнему виду, выбору места для укрепленных поселений, защитным сооружениям и другим особенностям воронежские городища, оставленные русским населением края, на первый взгляд не отличаются от всех других древних городищ лесной полосы европейской территории СССР. В частности, они близко напоминают так называемые дьяковы городища, которые появляются на Оке, верхней и средней Волге уже в I тысячелетии до н. э. Для сооружения этих укрепленных поселений обычно использовались отроги высокого коренного берега реки, окруженные крутыми склонами. Конец отрога, отделенный валом, составлял укрепленную часть поселения. Внутри укрепления, а иногда и вне его располагались жилища... Однако внешние признаки позволяют заметить и существенные различия между той и другой группой памятников. Если дьяковы городища, как правило, отличаются небольшими размерами, то воронежские памятники достигают, наоборот, в иных случаях очень большой величины... Естественно, что и система укреплений у городищ Подонья была уже несколько иной. При сооружении поселений, занимающих такую огромную площадь, в значительно меньшей мере могли быть использованы для защиты естественные особенности местности — крутые склоны речных террас. Поэтому валы и рвы воронежских городищ, подобно укреплениям древних русских городов (например, Старой Рязани или Киева эпохи Ярослава), имели большую протяженность. Для сооружения поселений выбирались ровные открытые места у края высокого берега реки, господствующие над речной долиной. Их наружный вал, нередко входящий в состав целой системы валов... имел дугобразную форму и очерчивал пространство в виде широкого неправильного сектора. Внутри наружной линии укреплений площадь поселка иногда разделяли валы меньших размеров. Судя по их расположению, видно, что эти укрепления относятся к эпохе возникновения городка. Позже валы эти стали недостаточными, и для защиты разросшегося поселка были воздвигнуты новые.

Большие воронежские городища имели, очевидно, уже совсем иной характер, чем более древние городища. Их многочисленное население не имело ничего общего с теми первобытными, очень замкнутыми патриархально-родовыми общинами, которые в I тысячелетии до н. э. сооружали первые укрепленные посел-

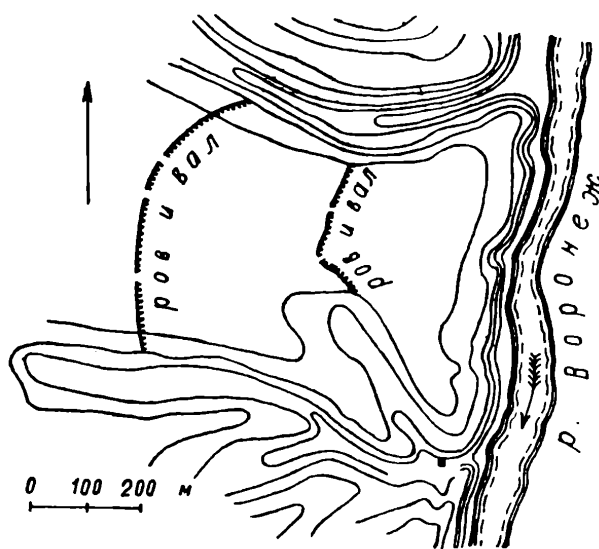

Рис. 5. Городище у Михайловского кордона

ки в глухом лесном крае на междуречье Оки, Днепра и Волги»¹⁴.

Типичным примером, иллюстрирующим приведенную характеристику больших воронежских городищ, может служить городище у Михайловского кордона на правом берегу реки Воронежа, несколько выше г. Воронежа. Это городище отличается своими огромными размерами, занимая площадь около 80 га. Оно расположено на неправильном по форме прямоугольном участке коренного берега, ограниченном с востока обрывом к реке, а с юга и севера — крутыми и глубокими оврагами. С западной стороны участок непосредственно примыкает к массиву коренного берега без каких-либо естественных преград и здесь защищен уже искусственными сооружениями — двумя концентрическими дугами рвов и валов. Внутренний вал и ров, повидимому, представляют собой более древнее укрепление, потерявшее свое значение после того, как поселение разрослось за его черту.

Трасса внешнего укрепления имеет явно преднамеренный дуговой характер и свидетельствует о предпочтении округлой формы в тех случаях, когда местные условия представляют свободный выбор. Все поселение в целом оформилось в результате расчленения единого геоморфологического элемента на две части в процессе последовательного расширения (рис. 5)¹⁵.

Аналогичные городища, расчлененные концентрическими укреплениями, встречаются и в других местах страны, в частности, в бассейне р. Сулы. Так, расчлененный на три части изолированный холм продолговатой формы

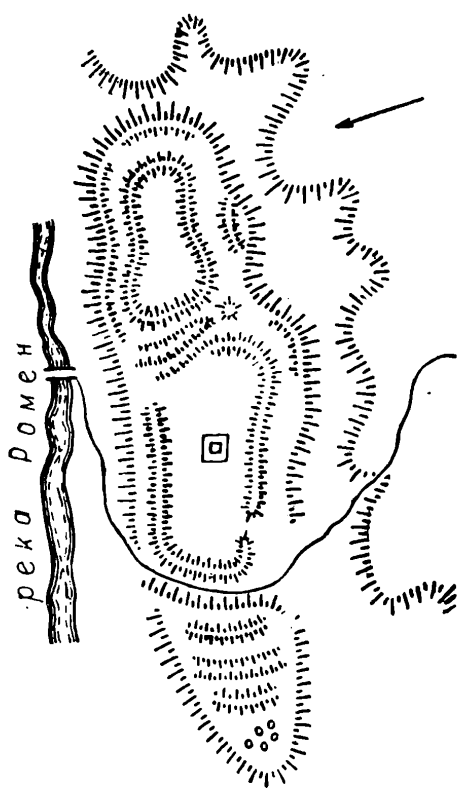

Рис. 6. План городища «Китай-город»

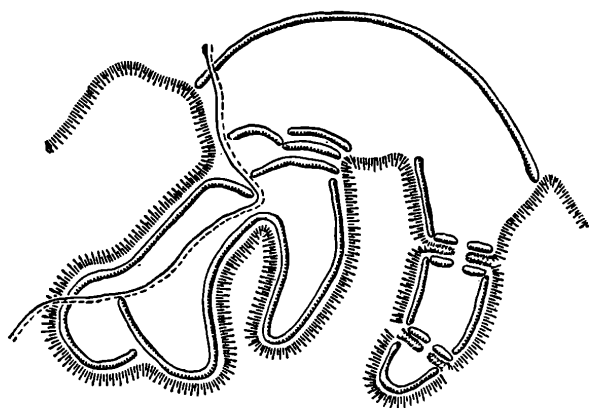

Рис. 7. План городища у с. Басивки

виден на плане городища «Китай-город» у села Медвежьего (рис. 6) ¹⁶.

Нередко процесс развития городища приводил к использованию целого комплекса холмов или мысов, расположенных в непосредственной близости друг к другу. При этом укреплялся валами и рвами каждый элемент в отдельности, а кроме того, укреплялся, так или иначе, и весь комплекс в целом. Интерес-

ный пример подобных городищ составного или сложного типа представляет собой городище близ села Басивки в Сумской области (рис. 7) ¹⁷, расположенное на четырех далеко выступающих мысах. Каждый из них обнесен одним или двумя валами и канавой, идущими по естественным границам. Окруженное с трех сторон глубокими оврагами, городище с четвертой стороны укреплено одним общим валом в виде плавной дуги, упирающейся в два боковых оврага. Восточный мыс («городок»), взятый в отдельности, представляет собой пример городища расчлененного типа.

Городища, общее очертание которых целиком является преднамеренным, представляют наибольший интерес для истории русского градостроительства. Эти городища свидетельствуют не о примитивном приспособлении к природным условиям, а об установлении определенных приемов фортификации, делающих человека независимым от случайностей естественной топографии.

В этом отношении заслуживают внимания «Известия Ал-Бекри о славянах и их соседях», содержащие следующее свидетельство: «И таким образом строят славяне большую часть своих крепостей: они направляются к лугам, обильным водами и камышом, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал... откуда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту» ¹⁸.

Иллюстрацией к этому рассказу, свидетельствующему о преднамеренной форме славянских укреплений, могут служить так называемые болотные городища, во множестве найденные на территории левобережного Поднепровья.

Типичным примером подобных городищ может служить городище близ села Гиревки (Конотопский район Сумской области). Оно расположено на болоте, в некотором удалении от берега, и связано с ним приподнятой полосой суши. Городище занимает круглую площадь, размером около 3 га, опоясанную валом и широким рвом в виде кольца. В трех местах вал прерван для устройства входов (рис. 8) ¹⁹.

Археолог В. Ляскоронский, обследовавший болотные городища, относит их к раннеславянскому периоду, не подкрепляя, однако, свою датировку археологической документацией. К этому же периоду относит он и нагорные